

10. Курилович Н. Языковая репрезентация гендера / Н. Курилович // Электронный ресурс: http://envila.iatp.by/g_centre/another3/art11.html
11. Пермякова О. В. Явление гендерной стилизации в современной женской литературе (на материале французского и русского языков): автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 “Теория языка” / О. В. Пермякова. – Пермь, 2007. – 19 с.
12. Речевое поведение в гендерном аспекте // Электронный ресурс: http://planetadisser.com/see/dis_251698.html
13. Рьжкина О. А. Психо- и социолингвистический анализ языкового портрета горожанина: Экспрессивы женщин и мужчин / О. А. Рьжкина, Л. И. Реснянская // Живая речь уральского города. – Свердловск, 1988. – С. 39–47.
14. Рюткенен М. Гендер и литература: проблема “женского письма” и “женского чтения” / М. Рюткенен // Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 5–17.
15. Рябков М. Н. Роман Энн Бронте “Незнакомка из Уайлдфелл-Холла” как женский текст: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.03 “Литература народов стран зарубежья” / М. Н. Рябков. – Екатеринбург, 2004. – 21 с.
16. Смуциньська І. В. Об’єктиваний оповідач і особливості його модальності / І. В. Смуциньська // Электронный ресурс: http://knlu.kiev.ua/ua/str/vndr/p_vz_ua7_1.htm
17. Goroshko O. Differentiation in Male and Female Speech Styles / Olena Goroshko. – Budapest: Open Society Institute. Center for Publishing Development, 1999. – 111 p. // Электронный ресурс: <http://rss.archives.ceu.hu/archive/00001011/01/12.pdf>

*Прадівлянная Л. Н.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В РУССКОЙ ПРОЗЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Индивидуально-авторское словотворчество всегда вызывало интерес лингвистов, так как позволяло изучать не только идиостиль поэта/писателя, но и исследовать возможности языка в создании ярких выразительных образов. Русская литература начала XX века представляет в этой связи большой интерес. Общая тенденция этого периода к усилению субъективного, импрессионистического начала проявилась в стремлении к разнообразию средств художественной выразительности, появлению стиля, который раскрывается не столько с содержательной, сколько с формальной стороны – в особенностях словоупотребления, отбора лексических средств.

Индивидуально-авторское слово в литературе импрессионистического направления представляет особый интерес и как средство создания подвижных живописно-изобразительных картин, и как способ акцентирования внимания читателя на впечатлении и настроении героя. О новой функции слова в произведениях, созданных под влиянием импрессионизма, пишет Е. Евнина: “Слово это с чрезвычайной легкостью соединяет в себе не только обозначение предмета, но и вызванные им ощущения. ... Это литературный язык, специально изобретенный для того, чтобы приобщить нас к миру открытых ощущений” [3, 260]. Однако окказиональные сочетания как средство импрессионистического воспроизведения действительности практически не изучены. Назовем только публикации Г. С. Бояринцевой и В. В. Краснянского, которые рассматривают необычные сочетания слов в прозе И. А. Бунина и Б. К. Зайцева [2], [5]. Этим определяется актуальность нашего исследования.

Цель статьи – изучение лексических и семантических окказиональных

новообразований в русской импрессионистической прозе.

Задачи:

– дать краткий обзор теоретических работ, посвященных различным аспектам изучения окказионального слова, среди которых – признаки окказионального слова, его типы, функции в тексте;

– выявить специфику функционирования окказиональных слов в импрессионистическом тексте.

Изучению общих проблем окказионализмов посвящены работы таких ученых-языковедов: Н. Г. Бабенко, Е. А. Земская, В. В. Лопатин, А. Г. Лыков, Н. И. Фельдман, Н. М. Шанский, Э. Ханпира. Исследуя основные отличия окказионализмов от неологизмов, А. Г. Лыков среди прочих характеристик выделяет их ненормативность, одноразовость, творимость, экспрессивность, индивидуальную принадлежность и называет их “речевой реализацией словообразовательных возможностей языка, заложенных в его системе” [7, 65]. Современная исследовательница Ю. Н. Нацула дополняет этот список признаками “постоянной новизны” и связью с контекстом [8, 16–19].

В. В. Лопатин подробно рассматривает окказиональные слова, создаваемые по словообразовательным моделям русского языка, а также с нарушением грамматической нормы с целью создания ярких образов, указывая, что для окказионального словообразования “в принципе все средства продуктивны” [6, 114].

Н. В. Титова в качестве основных выделяет функции: поэтическую (сосредоточение внимания на форме окказионализма), эстетическую (выражение отношения автора к предмету речи) и экспрессивную [9].

Несмотря на достаточную изученность данного феномена, многие положения теории окказиональности до сих пор остаются дискуссионными. Так, остается открытым вопрос о принадлежности к окказионализмам так называемых потенциальных слов. Некоторые исследователи считают, что они “противоположны друг другу” [6, 145], другие языковеды различают разные степени окказиональности новообразований и включают потенциальные слова в их состав [1].

В нашей работе мы исходим из основных положений теории окказиональности Н. Бабенко, в которой исследователь обобщает опыт изучения этих новообразований. Исследователь выделяет фонетические, лексические, семантические, грамматические окказионализмы и сочетания слов, а среди причин, побуждающих художников слова к их созданию, называет необходимость точно и кратко выразить мысль, а также потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку.

Материалом для нашего исследования послужили рассказы И. А. Бунина, К. Б. Зайцева, С. Н. Сергеева-Ценского – писателей, в творчестве которых ярко проявилась импрессионистическая тенденция.

Отметим большое число лексических окказионализмов в этих текстах. Вслед за Н. Бабенко, под лексическими окказионализмами мы понимаем новообразования, созданные комбинацией различных узуальных основ и аффиксов в соответствии со словообразовательной нормой или в некотором противоречии с ней. Большинство лексических новообразований в прозе импрессионистов создано по существующим в языке продуктивным моделям.

В текстах встречаем новообразования, образованные путем аффиксации: “И безмолвно его дух тонул в далеком, безглагольном; где тишина и беспечалие – эфир

вечный” [3, 106]. Окказионализм *беспечалие* несет дополнительно поэтическую, ритмообразующую функцию, логично продолжая лексический ряд *безмолвно – безглагольном – беспечалие*. В другом примере: “*Наконец воротникастый винтовой...красивый старик с голубым воротником на белой шее*” [СЦ, 31] – окказионализм, подчеркивающий внешнюю характеристику голубя, расшифровывается контекстом. Притяжательное прилагательное *коришунинные*: “*Под опущенными веками глубились желтые коришунинные, лукавые глаза*” [СЦ, 83] – не только описывает глаза, но в контексте с окказиональным глаголом *глубились* и эпитетами – *желтые, лукавые* имплицитно указывает на хищническую активность и сущность самого человека и несут коннотацию обмана, предательства, агрессии.

Характерной чертой импрессионистического стиля, стремящегося к воссозданию динамичности мира, являются и глагольные дериваты, образованные конверсией от адъективов: “*Фома Иваныч посмотрел на него, осерьезил лицо, подумал и принял*” [СЦ, 44]; “*...утихала водная гладь, плавнела, оцепившись по берегу золотыми фонариками*” [3, 115]; “*Взморье туманилось. Бледно-сиреневело в воздухе*” [3, 121]. Еще пример моторного элемента – окказиональное причастие – “*Осеребренное жнивье внизу чуть дымилось*” [СЦ, 96].

В текстах встречаем новообразования, созданные сложением основ. Например: “*Полчаса тянулся градобой и подмигивало небо*” [СЦ, 67] – окказиональный субстантив *градобой*, имплицитно указывающий на звук, актуализирован импликационалом лексемы *бой*.

В таких окказионализмах могут быть “скрыты” эпитеты, метафоры, сравнения: “*Кудлатая дворняга, ... медвежеголовая и лисохвастая*” [СЦ, 98]; “*Я оглянулся на церковь. Что она там чернеет, многодумная?*” [3, 44]; “*Тонкокапельный дождик, надоедливый, сизый, захватил даль*” [СЦ, 92].

Однако самым распространенным словообразовательным типом в исследуемых текстах являются композиты. Сложные прилагательные отражают целую гамму характерных для импрессионизма цвето-световых, звуковых явлений, эмоциональных нюансов, передают субъективность восприятия и создают сложные синкретические образы. Такие композиты выразительны, “по преимуществу окказиональны и материально выражают индивидуальное своеобразие в употреблении языка” [5, 144]. Художественно-эстетическая направленность характерна для всех окказиональных композитов. Их семантика более многопланова, чем может показаться при толковании значений составляющих их элементов. Для их интерпретации мы обращаемся к словарным дефинициям, к семному анализу каждого компонента, фоновому контексту.

Так, в прилагательном визуального восприятия *аспидно-фиолетовый*: “*...облака сошлись на небе уродливыми грудями, – бросают тягостный, аспидно-фиолетовый отсвет вниз*” [3, 39] наблюдаем ослабление цветового признака, здесь скорее актуализирована сема “темный, страшный” (*аспидная доска* – доска из слоистого минерала черного цвета; *аспид* – род ядовитой змеи, злой, злобный человек [СРЯО: 29]) и негативная коннотация, дополненная контекстом (*тягостный отсвет*).

Композиты часто создаются трансформацией адъектива-определения в первую часть сложного эпитета: “*Пред восходом, усталый, облегченный слезами, – увидел светло-летевшего голубя*” [3, 120]. *Светло-летевший голубь* – светлый голубь, летевший; адъектив *светлый* несет не световую, а эмоциональную характеристику.

Интерпретация некоторых композитов требует обращения к экстра-

лингвистическому контексту. Например: “...и стояли тополи в сизом тумане дублено-желтые, как толпа мужиков в нагольных тулупах” [СЦ, 95]. Окказионализм *дублено-желтые* объясняется в контексте сравнения с *нагольными тулупами* (тулуп кожей наружу), имеет с ним общую сему: *дубить* – обрабатывать (кожу, мех) [СРЯО, 156], обработанная кожа обычно имеет желтоватый цвет.

Приведем еще примеры сложений, передающих авторскую интерпретацию визуального восприятия действительности: “А вечером горы ...были задумчивы, прозрачно-плывущие” [З, 109]; “Стены, портреты покачиваются, полусумеречно, светло-забвенно” [З, 135]; “...и вид у них был забывчиво занятой, туго-озабоченный, как у рачительных домовых” [СЦ, 30].

Отметим также сложные прилагательные, помогающие авторам точно и тонко дифференцировать звук: “По захлебисто-частому лаю слышно было, что гонят матерого зайца” [СЦ, 97]; “кто-то заиграл манерно-печальный модный вальс на пианино” [Б, 231], а также передать эмоциональное состояние лирического героя: “Но ласкающее-мягко жаль стало ее, прежнюю...” [СЦ, 119]; “Чувство это было знакомое уже, но такое жданное, такое хрупко-бережно-дорогое...” [СЦ, 69].

Экспрессия и необычность некоторых композитов связана с тем, что в их состав объединяются лексемы казалось бы несопоставимых восприятий. Это синкретические сочетания: “в комнату лучи ложились прозрачно, и что-то прохладно-звонкое стояло тогда в этой спальне” [З, 102]; “Топящиеся печи, мороз, пушисто-белый день впереди” [З, 103]; “...медово-сочен был воздух...” [СЦ, 56]; “А море Адриатическое...легкое, бело-кипящее!” [З, 118].

Подобное нарушение семантической сочетаемости элементов легло в основу и семантических окказиональных сочетаний. В. В. Елисеева, рассматривая “семантические неологизмы”, сравнивает приводимые в работах разных авторов данные и указывает на отсутствие в литературе строгих критериев их выделения [4]. Иногда их сводят к метафоре, приему персонификации, утверждают, что семантический неологизм не отличается от канонического слова, а нарушение, для него характерное, возникает в семантической структуре и контекстуальных связях. В качестве главной его особенности отмечается мотивированность контекстом.

В семантическом окказионализме *натравливать*: “Но натравливать мужчин на водку не приходилось: слишком большой магнит был в ней” [З, 107] актуализирована сема, входящая в импликационал его значения, она окрашивает данный контекст коннотацией ироничности.

Еще пример: “Ломкий воздух вокруг бурлил и звенел, расступаясь и падая вниз” [СЦ, 96]. Окказионализм *бурлил* семантически осложнен, так как имеет и звуковое значение, и передает своеобразное движение воздуха.

Таким образом, в основе окказиональной экспрессии лежит несоответствие новообразования принятым в языке стандартам, в результате которых слова приобретают новые контекстуальные значения. Аналогично окказиональными называются сочетания лексем, объединение которых в узусе запрещает закон семантического согласования вследствие отсутствия общих сем в их лексических значениях. Однако в исследуемых текстах появление индивидуально-авторских сочетаний оправдано стилистическими задачами.

Так, особенностью импрессионистической живописи, отразившейся и в языке писателей, является некоторая расплывчатость, нечеткость границ. Такая размытость ощущается в окказиональном сочетании: “На дворе ...настойчиво, мокрым плывущим

лаем лаяла собака” [СЦ, 115] (пльвучий – размытый, жидкий).

Семантика составляющих лексем часто осложняется дополнительными денотативными и коннотативными смыслами. Для примера рассмотрим словосочетание *рассыпчатый упругий голос*: “В комнатах дома ...пусто было и глухо и не наполнял их ни молодой, звонкий голос Маши, ни рассыпчатый голос Ознобишина” [СЦ, 28]. Прежде всего отметим, что существительное *голос* в метонимической конструкции *голос не наполнял* имеет ярко выраженную сему движения, что подтверждается и словарной дефиницией – “совокупность звуков, возникающих в результате колебания голосовых связок” [СРЯО, 118]. В сочетании с ним адъектив *упругий* актуализирует узуальную сему – “о движениях: сильный и плавный” [СРЯО, 726], а прилагательное *рассыпчатый*, имеющий узуально закрепленное значение “легко рассыпающийся, легко крошащийся” [СРЯО, 578] приобретает новое смысловое наполнение – *раскатистый, вибрирующий*.

Выводы. Являясь средством субъективно-авторского видения мира, окказиональные слова и сочетания в импрессионистическом тексте используются для более точного отражения действительности, создания подвижных живописно-изобразительных картин, передачи субъективности впечатления. Данные стилистические задачи не заставляют авторов “придумывать” абсолютно новые слова. Поэтому большинство окказионализмов созданы по продуктивным словообразовательным моделям, самым распространенным из которых является композит. Особенно же интересны семантические окказионализмы, так как, не отличаясь от канонического слова, несут значительную экспрессию. Это явление может стать предметом дальнейших исследований.

Л и т е р а т у р а :

1. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте: Структурно-семантический анализ: учеб. пособ. / Н. Г. Бабенко. – Калининград, 1997.
2. Бояринцева Г. С. Необычная сочетаемость слов в прозе И. А. Бунина / Г. С. Бояринцева // Бунинский сборник. – Орел: Изд-во Орловского гос. пед. ин-та, 1974. – С. 336–346.
3. Евнина Е. Проблемы литературного импрессионизма / Е. Евнина // Импрессионисты. Их соратники. Их современники. Живопись. Графика. Литература. Музыка. – М.: Искусство, 1976. – С. 256–286.
4. Елисеева В. В. Авторский окказионализм как средство создания комического эффекта (в прагматическом аспекте): дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.04 “Германские языки” / В. В. Елисеева. – Л., 1984. – 171 с.
5. Краснянский В. В. Сложные и слитные эпитеты / В. В. Краснянский // Стилистика художественной речи: межвуз. сб. науч. тр.– Саранск, 1979.– С. 139–150.
6. Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / Владимир Владимирович Лопатин. – М.: Наука, 1973. – 152 с.
7. Лыков А. Г. Окказионализм и языковая норма / А. Г. Лыков // Грамматика и норма. – М.: Наука, 1977. – С. 62–83.
8. Нацула Ю. Н. Окказионализмы новейшего времени: структурно- семантический и функционально-прагматический аспекты: дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: 10.02.01 “Русский язык” / Ю. Н. Нацула. – Ростов-на-Дону, 2005.–167 с.
9. Титова Н. В. Семантика и поэтическая функция окказиональных слов: дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 “Русский язык” / Н. В. Титова. – Челябинск, 2006. – 187 с.
10. Источники иллюстративного материала:
11. СРЯО – Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1986.
12. Б – Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т / И. А. Бунин. – М.: Изд-во “Художественная литература”, 1965. – Т. 2. – 528 с.
13. З – Зайцев Б. К. Осенний свет: Повести, рассказы / Б. К. Зайцев.– М.: Сов. писатель, 1990.– 544 с.
14. СЦ – Сергеев-Ценский С. Н. Неторопливое солнце: роман, повести, рассказы / С. Н. Сергеев-Ценский. – М.: “Современник”, 1985. – 604 с.